

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

НЕ СЛУЖЕБНЫЙ
РОМАН
2

романтические детективы

Евгения Кротова
Неслужебный роман. Часть 2
Серия «Романтические детективы
Евгении Кротовой», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

У адвоката Лебедева – новая клиентка: кто-то присылает почтенной даме письма с угрозами. И все доказательства ведут к тому, что злоумышленник – Лида Федоскина. Кто победит в Руслане – любящий муж или законник? Что удастся ему доказать – виновность или невиновность любимой женщины?

С событий первой части «Неслужебного романа» прошло 4 года.

Содержание

1	4
2	7
3	20
4	28
5	35
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгения Кротова

Неслужебный роман. Часть 2

1

Наши дни

Она с опаской поставила картонный короб на стол и отошла в сторону, не решаясь вскрыть его. Смотрела, склонив голову к плечу. Пальцы рассеянно теребили шнурок для очков – элегантные очки-половинки в тонкой золотой оправе висели на груди, при каждом вздохе цеплялись за пуговицу домашней блузки. Плотно сжав губы, женщина прислушивалась, как становятся чаще удары в груди, как начинает шуметь в ушах, а в носу появляется неестественное онемение – верные признаки поднимающегося давления.

Поколебавшись еще несколько мгновений, она все-таки шагнула к коробке.

Эта посылка отличалась от предыдущих наличием обратного адреса, и это успокаивало.

«Это что-то другое», – решила женщина и взяла в руки ножницы. Несколько уверенных движений, скрип клейкой ленты, пыль на кончиках пальцев. Отложила ножницы, ото-

двинула клапан и открыла почтовую коробку.

Внутри оказался голубой полиэтиленовый пакет, в который обычно собирают бытовой мусор. Такие продаются в дешевых хозяйственных магазинах, рулонами. Хрусткий, пупырчатый, он пах едким химическим ароматизатором. Женщина поморщилась и презрительно скривила губы: кому пришло в голову присылать ей какое-то дешевое барахло?

Ткнув кончиком пальца пакет, обнаружила что-то темное внутри него.

Сердце билось учащенно, до боли в груди. Начало подташнивать.

Она подавила желание убежать – что за глупости, в самом деле. За последние полгода она уже стала психопаткой, пугаясь каждого резкого звука или неожиданного шороха. В полубморочном состоянии разорвала пакет для мусора и раздвинула полиэтилен. В нос ударил тошнотворно-сладкий запах прогнившей живой плоти.

– Господи, – женщина отшатнулась, бросилась к окну, чтобы распахнуть его шире, жадно втянула в себя чистый, напитанный липовым цветом воздух. Сообразила, что мерзкая вонь расползается по квартире, кинулась к двери, закрыла ее.

Настороженно обернулась к столу, все еще борясь с желанием отнести посылку, как есть, на помойку. Но что-то, что она так старательно возвращала в себе все эти годы, заставило, подавив боль в груди и рвотный рефлекс, вернуться к

пакету. Она сняла с мойки резиновые перчатки и, задержав дыхание, расширила дыру в пакете и заглянула внутрь.

Помятое и потускневшее темное оперение, мутные глаза-бусинки, щуплое тельце.

Внутри оказался труп вороненка.

2

Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава –
Твое достоянье на все времена!

– Господи, Лебедев, ты отключишь будильник или нет? –
Лида зарылась в подушку, положила ладонь на ухо, чтобы
приглушить торжественные звуки. Сообразила, что ей вста-
вать на тридцать минут позже, и простонала еще громче: –
Русла-ан!

Муж пошевелился только на первых строчках второго
куплета, сонной рукой дотянулся до сотового и выключил
мелодию.

– Мне еще тридцать минут можно было спать! – Лида по-
чувствовала на своей талии горячую ладонь, которая затем
скользнула под футболку и чуть сдавила грудь. Колючая ще-
тина на шее и хрипловатый спросонья голос:

– Доброе утро, милая.

Лида поморщилась:

– Фу! Как в дешевом кино... – и окончательно проснулась.

Резко села и сдернула одеяло с Лебедева. Тот почесал друг
о друга волосатые ноги и тоже сел.

– Если я сегодня опоздаю, то Боря меня убьет, – пробормотал Руслан, спуская ноги с кровати.

– Ты Степку в сад обещал отвести! – крикнула Лида ему в спину.

Муж вскинул к потолку указательный палец и скрылся в ванной.

Начиналась рабочая неделя.

Ну как рабочая, – у адвоката Лебедева практически не бывало выходных, у блогера и тренера Лиды – тем более. Одна неделя отличалась от другой хлопотами о скучающем без друзей и детского сада сыне, приготовленным, а не заказанным из ресторана ужином и семейным просмотром фильма перед сном. Ровно тридцать три минуты, пока засыпал на плече Руслана Степушка.

Прикрыв дверь в ванную, Лида прошла по коридору, заглянула к сыну – розовые пятки торчали из-под одеяла, лохматая голова вспотела, ручки прижимали к груди плюшевого зайца. Лида почувствовала, как в груди горячим расцветает умиление. Прокралась в комнату, поправила одеяло и чмокнула Степана в лоб. Сын заулыбался и перевернулся на другой бок.

– Через пятнадцать минут приду тебя будить, – прошептала она.

Выйдя из детской, направилась в кухню. Щелкнула выключателем электрического чайника – загорелась голубая лампочка, вода внутри прозрачного корпуса заволновалась.

Достала с полки две одинаковые кружки, банку кофе. В каждую кружку насыпала по полторы чайные ложки кофе, в одну добавила еще немного – Руслан любит покрепче. Себе добавила щепотку имбиря, корицу и заменитель сахара. Руслану – ложку какао и две, без верха, сахара. Залила кипятком, накрыла каждую кружку фарфоровой крышкой и положила сверху вафельное полотенце. Кофе из кофемашины она не признавала, кофе по-турецки считала слишком крепким. Лебедев не переваривал растворимый кофе. Сошлись вот на таком компромиссе.

Прислушалась – муж еще умывался в ванной.

Достала из холодильника молоко, перелила его в кастрюльку и поставила на плиту – Степке. Ванили на кончике ножа, чуть-чуть сахарного сиропа. Дождалась, когда над молоком поднимется первая струйка горячего пара, и сняла с огня.

Лебедев появился в кухне одновременно улыбаясь и хмурясь. Лида усмехнулась.

– С каких это пор Боренька взял тебя на короткий поводок? – припомнила она мужу сонную фразу про угрозы помощника.

Руслан отмахнулся:

– Договорились, что он откроет контору и примет первого клиента. А потом ему надо маму в поликлинику отвезти. А мама не любит опаздывать... Ну, ты же ее помнишь?

– Помню.

Лида поставила на стол чашки с кофе, подхватила детскую кружечку и направилась с ней в комнату Степки, бросила:

– Мне с сыром! – Готовить бутерброды по утрам – обязанность мужа.

Толкнула дверь детской, включила умную колонку – та послушно запела утреннюю песенку про гимнастику.

– Степушка, – Лида поцеловала сына, пощекотала пяточку. – Подъем.

– Пять минут.

– Было дано пятнадцать, ты их использовал, – она еще раз поцеловала Степу в макушку. – Молоко на столе, не пролей.

И вышла из комнаты, оставив сына просыпаться.

– Ну, какие у тебя сегодня планы? – Руслан только что сделал бутерброды, устроился за столом.

– В десять консультация. Потом сбегая на почту, надо отправить акты в Академию и призы победителям розыгрыша. Если повезет и народу не будет...

– Не повезет, народ будет, – Лебедев откусил бутерброд. На вопросительный взгляд жены пояснил: – Налоговый период начался, все «юрики»¹ будут отчеты отправлять.

– Вот черт, – Лида озадачилась, мысленно перестраивая рабочий график. – Тогда на почту после шести пойду, там должно быть поменьше... – Посмотрела жалобно на мужа: – Русланчик, а может, ты Степушку из сада заберешь?

По утвержденной договоренности, кто из родителей в сад

¹ «Юрики» – проф. сленг, в среде юристов, юридические лица, организации.

отводил, тот не забирал. Лебедев покачал головой:

– И не проси. У меня лекция у вечерников сегодня, я поздно буду...

Лида вздохнула: больше всего в жизни она не любила спонтанно перекраивать день. Но, кажется, сегодня без вариантов.

Степка прошлепал босыми ногами в ванную. Руслан поднял к потолку указательный палец.

– Золотой ребенок! – объявил он и порывисто встал. – Все, я пошел.

Уже в коридоре он привычно уткнулся в горячую, пахнущую ландышем макушку, вобрал в себя этот уютный аромат, чтобы наполнить им до отказа легкие и жить им до конца рабочего дня.

– Грею машину, – сообщил Руслан, отрываясь от жены. И, повысив голос, крикнул сыну: – Степан, жду тебя в машине, торопись, не то кашу съедят без тебя.

Лида шутливо ткнула его в бок кулачком:

– Ну что ты глупости говоришь? Еще из-за еды ажиотаж подними.

– Ты ничего не понимаешь, – Лебедев уже поворачивал ключ: – Это манная каша с наивкуснейшими комочками! Которые ни ты, ни я не умеем делать. Эксклюзив!

Он снова поднял к потолку палец и засмеялся, уже исчезая на лестничной клетке.

Его мысли тут же переключились на работу – планы на

день пронеслись сплошным потоком в голове: планерка – вызов в суд – предварительное по Марсову – забрать ответ из прокуратуры по ООО «Квазар-Юг» – лекция в ВУЗе. Адвокат Лебедев медленно выдохнул, словно распределяя силы на весь непростой день.

Но сперва – отвезти сына в детский сад. А то, в самом деле, опоздает к завтраку.

* * *

Руслан влетел в офис, как на крыльях. Выскочил из лифта стремительно, широко шагая и помахивая портфелем. Арния Николаевна, неизменная помощница и незаменимый офис-менеджер, посмотрела на него с удивлением.

– Вас укусила счастливая муха, – не спросила, а утвердительно сообщила она.

Лебедев улыбнулся еще шире:

– Улыбающийся адвокат внушает оптимизм и уверенность в победе клиента, Арния Николаевна. Неужели я вам этого раньше не говорил?

– Не говорил, Руслан Федорович, – пожилая дама поправила белоснежное жабо на блузке и протянула адвокату тонкую картонную папку. – Это самая утренняя почта, только что прибыла с курьером. Два запроса и один ответ на запрос. Остальное ждет вас в кабинете... – И, понизив голос до шепота, добавила: – И Борис Иванович уже о вас спрашивал.

Лебедев стянул со стойки регистрации папку и, не замедляя шаг, раскрыл ее, бегло просмотрел. Вытащив из нее лист с печатью, бросил:

– Пусть Анфиса ко мне зайдет!

Он стремительно зашел в кабинет, сунул портфель на тумбу для оргтехники. Привычно сбросил с плеч пиджак – он его стеснял и будто бы связывал руки. Повесил его на костюмную вешалку и углубился в чтение присланного отчета, уперевшись кулаками в стол. В таком положении его и застала вошедшая сотрудница.

Молодая девушка величественно прошла к столу:

– Руслан Федорович, вызывали?

Лебедев, не отвлекаясь от документа, кивнул:

– Угу. Анфиса, ответ на твой запрос по запорожцам пришел, – он подтолкнул к девушке скрепленные листы. – Отметь только в реестре, что оригинал у тебя, он мне пригодится еще по одному делу. Ссылки на нормативку интересные.

Девушка забрала бумаги, уточнила:

– Это все?

Лебедев поднял на нее глаза:

– Все.

Девушка, томно взмахнув ресницами, выплыла из кабинета.

Лебедев не уставал удивляться метаморфозам молодых сотрудников. До первого серьезного дела они полны самоуверенности, ходят по-царски важно по офису, изображая

властителей жизни и правовых гуру. Потрепанные в суде, прибегают и, вжав голову в плечи, режут, кляня всю судебную систему, «мерзкого» судью и «самодовольного» прокурора, которые посмели порвать в клочья продуманную линию защиты. Некоторые так и не справляются с разочарованием, уходят из профессии. Некоторые, зализав раны, снимают нимб, подвешивают на гвоздик крылья и принимают за настоящую работу. Таким был Боря Рыжиков, нескладный и неуверенный в себе, но въедливый и упертый, как осел – в самом лучшем его проявлении.

Анфисе лишь предстояло пройти первое испытание. Талантливая студентка, довольно неплохой аналитик, она прекрасно работала с документами на позиции помощника, но рвалась в суд, в процесс. Хотя – чутье редко подводило Руслана – вряд ли его выдержит. Но шанс, пусть и призрачный, что она устоит и справится, заставлял идти на риск. Набрав по внутреннему телефону приемную, он напомнил:

– Арния Николаевна, через пятнадцать минут – планерка с арбитражниками².

Руслан сел за стол и шумно вздохнул, мысленно распределяя имеющиеся в производстве дела, соображая, кого надо усилить, где проконтролировать, куда подключить специалистов.

Непростая у него весна.

² Профессиональный сленг – юристы в области арбитражного процесса, здесь – сотрудники соответствующего отдела.

Сразу после планерки в кабинет заглянула Арния Николаевна:

– Вам три раза звонила помощница судьи Соломатиной, уточняла, кто будет сегодня на предварительном – вы или Борис Иванович...

– А ей есть разница? – Лебедев вскинул голову.

Секретарь пожалала плечами и продолжила доклад:

– Еще звонили из приемной депутата, – она сверилась с запиской, – Пагасяна, напомнили о правовом заключении на их законопроект...

– Да, – Руслан потер переносицу, об этом проекте он почти забыл, – перезвоните им, пожалуйста, скажите, пусть присылают курьера за пакетом. Там только, скажите, серьезная аналитика, так что пусть человек с транспортом будет. Две коробки приложений и ссылок...

– Ого! – Арния Николаевна сделала пометку в ежедневнике. – И последнее. Госпожа Лавренева просила вас перезвонить сразу, как только вы освободитесь. Говорит, очень важное дело, буквально жизни и смерти.

Арния Николаевна оторвала от страницы в ежедневнике закрепленный розовый стикер с номером сотового телефона и положила его на стол Лебедева. Тот поморщился, вспоминая, что это за Лавренева такая.

– Не припомню, кто такая, – он вопросительно посмотрел на секретаря. Та пожала плечами:

– Мне, признаться, тоже ее имя ни о чем не сказало. Но Павел Лавренев баллотируется сейчас в Госдуму. Может, одноклассник, может, и нет.

Лебедев кивнул:

– Хорошо, спасибо.

В кабинет заглянул Боря, столкнулся с выходявшей Агнией Николаевной, галантно распахнул дверь. От прежнего Бори почти ничего не осталось – сегодня это был уверенный в себе молодой человек, один из лучших специалистов по сложным договорным конструкциям в Москве. Дождавшись, когда секретарь удалится, он спросил:

– Ну что, я поехал?

Лебедев кивнул:

– Слушай, а чего помощница Соломатиной спрашивала, кто из нас с тобой будет на предварительном сегодня?

Борис покраснел, отвел взгляд:

– Ну... я... – он замолчал.

Руслан почесал указательным пальцем висок:

– Только не говори, что у вас роман.

Боря поднял глаза – светлые и честные, словно у сорванца, только что разбившего ценный сервиз:

– Говорю. А что – нельзя, да?.. – Он потупил взгляд, нахмурился: – Хотя да, вы правы, это не совсем этично... Все-таки некоторый намек на служебный роман.

– Господи, да нет никакого намека, успокойся. Я просто озадачился, чего это она так печется... Думал уже, что Соломатина что-то затеяла внутри процесса. А тут совсем в другом дело, как я могу понять.

Борис охотно кивнул:

– Да, в другом. Мы условились сегодня встретиться. Вечером.

«Условились встретиться» – кто сейчас так говорит? Лебедев был уверен, что никто, кроме его помощника и коллеги. Усмехнулся:

– Ну так позвони девушке, пусть не нервничает...

Борис заторопился:

– Да-да, очевидно, она хотела сделать мне сюрприз, поэтому через секретаря... Прошу прощения, я поговорю с Леной, чтобы по личным вопросам не отвлекала секретаря...

– Борь, успокойся. Нашего секретаря хлебом не корми, дай новую сенсацию, они сериалы не смотрит из-за нашей с тобой сумасшедшей работы, дай человеку порадоваться... – Помощник еще больше засмутился, теперь у него до пунцового оттенка покраснели уши. Лебедев ловко рассеял неловкость: – Ты про отчет по законопроекту не забудь, я его еще не подписал. Напомни Анфисе, пожалуйста.

– Да я еще вернусь в офис...

– Зато я сегодня в разъездах.

Не дожидаясь, пока Борис притворит за собой дверь, Лебедев взял в руки телефон и набрал номер Лавренивой. Ему

ответили почти сразу. Приятный, хотя немного чопорный голос принадлежал даме в возрасте.

– Добрый день, Руслан Федорович... Спасибо, что перезвонили. Мне нужно с вами встретиться.

Лебедев удивленно изогнул бровь, открыл страницу ежедневника, пролистал на несколько дней вперед:

– Могу предложить вам в четверг, в 18–10. Это будет удобно?

– Нет, вы не поняли меня, – дама, кажется, была обескуражена: – Мне нужно встретиться сегодня.

Адвокат откинулся на спинку кресла, оттолкнулся от края стола. Бросив взгляд на часы, покачал головой:

– К сожалению, боюсь, вы просите меня о невозможном. Очень плотный график...

– Это очень важно, – настаивала дама.

Лебедев вздохнул:

– Ну, что ж, могу предложить вам такой вариант: ваши координаты я оставлю секретарю, если у меня образуется окно, она с вами свяжется, и мы сможем встретиться раньше. Но четверг в 18–10 я вам рекомендую все-таки забронировать... Мало ли что.

– У меня есть встречное предложение. Мы можем пересечься в городе, я подъеду в любое место, которое вам будет удобно...

– Беда в том, что никакое не удобно, – Лебедев начинал терять терпение, еще раз посмотрел на часы: если он не вый-

дет из офиса в течение ближайших семи минут, то попадет в пробку на Садовом кольце и опоздает в суд. – Простите, госпожа Лавренева...

– Валентина Матвеевна, – подсказала собеседница.

Имя и отчество показались знакомыми, Лебедев нахмурился. Ну конечно, так звали бывшую начальницу Лиды, которая оказалась ее биологической матерью. Жуткая по циничности история с липовым диагнозом супруги заставила адвоката насторожиться. Между тем дама продолжала:

– Руслан Федорович, это в самом деле очень важно. Я не очень хорошо знаю ваших коллег, а мы с вами все-таки немного знакомы, и я могу надеяться на вашу честность и сохранение конфиденциальности... Уверяю, я не займу у вас много времени!

«Конечно, вы все так говорите». Лебедев понял – или он сейчас быстро придумывает вариант встречи с дамой, или опоздает в суд.

– Хорошо, Валентина Матвеевна, я сейчас выезжаю в суд, – он назвал адрес. – Мы можем встретиться в кафе напротив здания, у меня будет пятнадцать минут до начала заседания. Советую не опаздывать, так как ровно в 11–45 я должен буду уйти.

– Я успею!

«Интересно, чего хочет от меня эта ведьма?».

3

Лебедев припарковался у соседнего со зданием суда торгового центра, посмотрел на часы – ровно пять минут до встречи с Лавренивой. Неприятное чувство – вроде как, встречаясь с ней, он предает Лиду – не позволяло сосредоточиться на предстоящем процессе. Одно хорошо – предварительное судебное заседание, на котором предстояло обменяться заранее подготовленными ходатайствами и определиться с вызовом свидетелей. Все подготовлено командой Бориса. Он, собственно и должен был на него идти, если бы не необходимость сопровождать маму в больницу. Клиент был старый, с которым они вместе поднимались по карьерной лестнице, так что Руслан решил не передавать процесс молодежи, а смотреть самому. Заодно судье показать, что он держит руку на пульсе и не поживает на лаврах.

Откупорив бутылку с минеральной водой, сделал несколько глотков.

Решительно подхватив портфель, вышел из машины и поставил ее на сигнализацию.

Кафе, в котором он собирался встретиться с Лавренивой, расположилось в здании торгового центра и имело отдельный вход и довольно уютную террасу. На ней-то и расположился адвокат, автоматически взглянув на циферблат: надежда, что бывшая начальница Лиды все-таки опоздает и не

придется вести с ней разговор, не покидала его.

И тут же рухнула: Валентина Матвеевна взошла на террасу.

Ее сложно было спутать с кем-то еще. Тот же надменный вид, модная стрижка, агрессивный маникюр и вызывающе дорогой костюм. Адвоката она заметила сразу.

– Добрый день, – Лебедев привстал в знак приветствия.

Она протянула руку для рукопожатия, устроилась напротив. Прежде, чем начать разговор, подозвала официанта и попросила бокал воды без газа.

– У меня ровно пятнадцать минут, – напомнил Руслан, с любопытством разглядывая женщину.

Бывают люди, которые одним своим видом вызывают раздражение. Валентина Лавренева была как раз из их числа, и адвокат пытался убедить себя, что в нем говорит не зависть или подспудное чувство конкуренции. Скорее все-таки нет. Причина лежала на поверхности – в презрительном прищуре, который появлялся у Лавреневой, когда она говорила с официантом, в небрежности, с которой приняла бокал с заказанной водой, во взгляде, которым окинула посетителей.

Лебедева это даже немного забавляло. И будило мальчишеское желание напакостить... Хотя, конечно, ему не пристало давать волю недобрым чувствам.

Лавренева кивнула в ответ на его слова:

– Да, я помню, что у нас мало времени. Дело весьма щекотливое. И мне, право слово, совсем не к кому обратиться.

ся... К кому-то постороннему я не рискну.

«Я тоже вам не сват и не брат», – хотел сказать Руслан, но вовремя осадил себя: Лавренева не знает, что Лида – ее дочь. Так решила сама Лида, просто написав четыре года назад заявление об уходе и вычеркнув эту женщину из своей жизни и воспоминаний.

– Дело в том, что мне стали поступать странные письма...

– Поясните, что значит «странные», – Лебедев привычно открыл блокнот и записал несколько слов.

Лавренева поджала губы. Руслан приподнял бровь:

– Если вы рассчитываете на мою помощь или консультацию, вам придется отвечать на мои вопросы, сколь бы странными или интимными они вам ни казались.

– Да-да, я понимаю... Видите ли, Руслан Федорович, это действительно странные письма. Я поэтому и затрудняюсь с ответом. В письмах нет прямой угрозы, нет каких-то требований... Но они... гадкие. Вот, посудите сами.

Она достала из сумочки и положила перед Русланом сложенный вчетверо листок без конверта. Адвокат раскрыл его. Окинул взглядом набранный на компьютере текст, посмотрел на собеседницу с удивлением:

– Это из какой-то книги?

Шесть абзацев, стандартный шрифт, ни подписи, ни названия.

«Я ненавижу тебя. Как может ненавидеть преданный человек, отданный на поругание толпе.»

Я ненавижу так, словно ненависть – мое дыхание, моя жизнь.

Словно я сама – это ненависть к тебе.

Я буду желать тебе смерти до тех пор, пока она не постучится в твой дом. И я буду приближать ее всеми доступными мне средствами.

Считай это вызовом.

Или объявлением войны»

– Даже если это из какого-то литературного произведения, то текст переработан. Его не распознал ни один поисковик...

– Перевод?

Женщина пожала плечами:

– Мне сложно судить. Стиль... Вот эти «поругание толпе», «считать это вызовом»... Это, действительно выглядит слишком... патетично.

Руслан кивнул. Сложив лист бумаги, вернул его Лавреновой:

– Патетично. И сколько таких писем вам пришло?

– Они приходят раз в неделю или в две.

– Все такого же... странного содержания?

Лавренева нахмурилась:

– Это первое, за ним последовали еще более странные, я предоставляю их вам для ознакомления все, если вы согласитесь мне помочь.

– Валентина Матвеевна, если они все в таком стиле, то,

увы, никакого состава мы в них не найдем. Боюсь, это окажется пустой тратой времени и финансовых средств, – он посмотрел на часы: еще семь минут, и он может уходить.

Лавренева закусила губу:

– Я понимаю. Но это не единственное, из-за чего я обратилась к вам. Помимо писем мне приходят и еще отвратительные посылки. Испачканные фекалиями книги, изорванные детские дневники, какие-то рисунки... и мертвые птицы. – Она склонилась к середине стола и прошептала: – Я думаю, меня кто-то шантажирует... Готовит для этого почву.

– Вы догадываетесь, кто это может быть?

– Нет... Но я бы не хотела, чтобы это как-то повредило моему мужу... Он баллотируется в Государственную Думу, и такие мерзости... Если они всплывут... Они могут разрушить его карьеру.

– Каким образом? Или в вашем прошлом есть что-то, что может стать оружием против вашего супруга?

«Конечно, может», – ответил про себя.

У Лавреневой покраснели уши:

– Думаю, они у всех есть. Особенно если подать это под определенным соусом, в определенное, неподходящее время.

– У вас сейчас неподходящее, как я понимаю? – Лебедев немного подумал. – Валентина Матвеевна, я вам могу порекомендовать хорошего частного детектива, могу за него поручиться: очень грамотный, аккуратный специалист. Прове-

рит все данные, которыми вы располагаете, оценит риски, найдет отправителя этих писем. А там вы примете решение – давать материалам ход или нет.

Лавренева отпила воды, поправила локон на виске. Луч солнца скользнул по ее запястью, ослепив адвоката блеском крохотной бриллиантовой подвески в форме сердца.

– Руслан Федорович, я понимаю, вам это, возможно, не очень интересно. Но я прошу вас...

Лебедев покачал головой:

– Я не частный детектив. К сожалению, у меня нет соответствующих связей, возможностей и навыков, чтобы помочь вам.

– Я оплачу, – она выглядела почти жалко, – оплачу все ваши возможные издержки, вы можете привлекать всех необходимых специалистов... Но я буду держать связь только с вами. Поймите...

Лебедев замер. Уставившись на собеседницу, долго ее изучал, даже забыв о времени.

– Скажите, Валентина Матвеевна, есть что-то, что заставляет вас нервничать по-настоящему? Что-то в этих письмах? Или посылках?

Он смотрел в упор, привычно и хладнокровно считывая ее смущение, страх. Дрогнули ресницы, чуть взлетели уголки надменных губ. Взгляд задержался на собственных пальцах – чуть дольше, чем того требовало изучение принесенного официантом чека. Плечи опустились, и голова склони-

лась к груди. Изящные, не знающие домашней работы пальцы дрогнули, вцепились в салфетку и скомкали ее.

Две минуты до окончания встречи.

Руслан вздохнул:

– Простите, Валентина Матвеевна, я не располагаю свободным временем, чтобы играть в подобные авантюры: прежде, чем принять решение о том, брать или нет в производство то или иное дело, я должен знать все, что знает клиент. Все, что его привело ко мне. Потому что адвокат в какой-то мере – личный врач. Только занимающийся не физическим здоровьем клиента, а здоровьем его правового поля. – Он встал. – Прощу прощения, я должен идти.

Он положил на стол несколько купюр, подсунул их под пепельницу, чтобы не унесло ветром. Сейчас он уйдет и забудет об этой неприятной женщине. И это будет правильно.

– Я думаю, что автор этих писем – моя дочь, – донеслось до него.

Лебедев сел.

– Что? – он мысленно прокручивал то, что Лида раньше рассказывала о начальнице: владелица турфирмы, довольно крупной, муж – вроде как творческая личность, фотограф или что-то в этом роде. Очевидно, сейчас подался в политику. Из детей, кажется, единственный ребенок – это сын, Вадик.

Валентина Матвеевна подняла на него взгляд:

– У меня есть дочь, от первого брака. Мы не общаемся...

Вернее... Я отказалась от нее много лет назад. Я думаю, она меня нашла и... Хочет навредить таким образом.

– А вы... Вы с ней говорили? Встречались недавно? С чего вы решили, что она вас нашла? – Лебедев с трудом подбирал слова.

– Нет. Но такое иногда случается, вскрываются архивы, начинают говорить бывшие сотрудники детских домов... Кто-то из них мог увидеть мое фото с мужем, в рамках его предвыборной компании, и узнать меня... Или как-то иначе. Я прошу вас – найдите ее, попробуйте договориться. Я готова платить ей деньги за молчание... Или как-то помочь устроиться...

«Господи... Лида?» – он не верил тому, что слышит.

Представил, как кто-то чужой придет к Лиде вот с этим самым предложением. По спине пробежал пот, пальцы вцепились в ручку портфеля, которую он так и держал в руках. Руслан медленно перевел дыхание, заставил себя собраться.

– Хорошо, – проговорил он. – Вам нужно будет собрать все письма, посылки, которые вам приходили, и принести мне в офис для изучения...

Едва за Степкой закрылась дверь, я направилась в кухню. Убрала посуду, собрала разбросанные игрушки сына, включила компьютер. Первые два часа работы – самые эффективные. Проверка домашних заданий, присланных за вечер и ночь – кажется, мои студенты никогда не спят, несколько важных сообщений от куратора онлайн школы, в которой я преподавала. Стук клавиатуры и мелькание собственных пальцев успокаивали, создавали ритм, такой важный в привычной рутинной работе дома. Файлы мелькали перед глазами.

Прослушала аудирование трех студенток. Осталась недовольна интонированием. Обратила внимание на ошибки. Записала на диктофон и отправила девочкам фрагменты текста, которые им предстояло переделать.

Дотошная? Да. Именно за это меня и ценят.

На экране сотового мелькнула и погасла иконка неотвеченного вызова – это сестра Женька. Я перезвоню ей во время перерыва.

Один раз и навсегда заведенный порядок – время для работы отводится исключительно для работы. Время для себя – только для себя. Все зафиксировано и распределено едва ли ни по минутам. Это позволяет распределять нагрузку, не «зашиваться». Словно плывешь на длинную дистанцию.

Гребок за гребком. Вдох за вдохом.

Таймер деликатно сообщил, что наступило время первого перерыва.

Я поставила ноутбук в режим сна, пультом включила аудиосистему – заиграла бодрая музыка, под которую я обычно занималась спортом.

Переоделась.

Разминка.

Двадцать минут на беговой дорожке.

Еще пятнадцать минут на велотренажере. Скорость пятая. Десять километров.

Чувствую, как струйка пота стекает между лопатками, холодит и щекочет. Это хорошо, так и должно быть.

Глоток воды по окончании тренировки.

Несколько упражнений на растягивание.

Душ.

Руслан называет меня биороботом. Шутя, конечно.

Наверно, он в чем-то прав. Я существую словно в какой-то матрице, где я – функциональная единица. Я действую в рамках алгоритма, тщательно слежу за его неизменностью и чистотой. Словно точка в системе координат.

Когда выбралась из душа, неотвеченными оказались уже три вызова. Все три – от Женьки. Я набрала ее номер.

– Ты спишь, что ли? – недовольно отозвалась сестра из динамика. Важная птица, хирург. Хоть и учится в ординатуре.

Я подавила вздох:

– Ты прекрасно знаешь, что в это время я не сплю...

– Ну мало ли, может, марсиане все-таки вернули мою сестру?

Мне пришлось подавить раздражение – такие эмоции тоже не укладываются в алгоритм.

– Не начинай, ладно? – проговорила я примирительно. –

Ты три раза звонила мне, может, сообщишь, из-за чего?

– Сообщу... Ты про юбилей родителей помнишь?

Я помнила, поэтому молчала, ждала, что скажет сестра.

– Мы с Наткой думаем, не отправить ли их в свадебное путешествие?

– Куда, например? – Идея мне нравилась. Я бы сама от такого подарка не отказалась.

– В Дагестан. Как считаешь?

Я ничего не знала про Дагестан и отвечать оказалась не готова.

– А что там интересного, кроме гор и кухни?

Женька обиделась:

– Ну, ты даешь. Там и старые аулы, и места красивые, и пещеры. Там можно с парaplанами...

– Да, папе понравится...

– Ну так что, ты одобряешь? – Женька замолчала.

Я пожала плечами:

– Не знаю, Жень. Это их юбилей. Вдруг они его как-то определенно хотят отметить?

– Хотят. Собрать всю родню на даче, накормить шашлы-

ками, салатами и тортом. Все как предыдущие тридцать четыре года... Лид, если мы ничего не предпримем, то они свой юбилей опять проведут в суете.

– А лучше, если проведут, перескакивая с горы на гору? – я потеряла переносицу, почувствовала, как под пальцами сформировалась и пролегла морщина. – Жень, если ты спрашиваешь мое мнение, а не пытаешься выцыганить согласие любым способом, то я за то, чтобы спросить маму с папой.

– А как же сюрприз?

– Иногда лучше без сюрпризов, ты не находишь? Если ты, конечно, хочешь сделать приятное им, а не поставить галочку в своей голове.

Кажется, с категоричностью я перегнула палку – Женька засопела, обиделась.

Я решила, что надо смягчить:

– Жень, они взрослые люди. Это для тебя сюрприз и что-то новое – здорово и вызывает азарт и подъем сил. А им может оказаться милее собраться в кругу друзей. Тур, в конце концов, можно подарить им с открытой датой. Они сами решат, соберутся с мыслями и поедут...

– Лид... – я представила, как Женька хмурится и в раздражении трет лоб. – Я понимаю, почему у тебя такие хорошие отношения с родителями... Ты мыслишь так, словно тебе пятьдесят.

– Ну, спасибо, дорогая, – я постаралась беззаботно рас-

смеяться, хотя из-за замечания сестры под ребра словно ледяное шило загнули, выпустив из легких воздух. – Никогда не думала, что хорошие отношения с родными – это порок, а взаимопонимание – повод оскорблять.

– Я не оскорбляла. Я правду сказала.

– Да, на правду не обижаются, так все говорят.

Женька на секунду замолчала, заговорила другим голосом – вкрадчиво и будто излишне осторожно:

– Я тебя обидела?

– Не бери в голову. А с родителями все-таки советую предварительно поговорить.

Я нажала «отбой» и посмотрела на часы: разговаривая с сестрой, я пропустила время чая и почти пропустила время прогулки. Взяв со стола заранее приготовленную термокружку, я вышла на балкон – совместить приятное с полезным и хоть немного нагнать график.

Отсюда была видна крыша детского садика. Я посмотрела на часы – Степка сейчас закончил гулять и отправился на обед. Потом поспит, пополдничает и снова отправиться гулять. А там его и я заберу.

Мой график сильно напоминает тот, которым живет мой трехлетний сын: подъем строго по будильнику, привычный круговорот дел, лиц и маршрутов. Ничего нового, ничего травмирующего.

«С каких пор ты стала такой педантичной?» – в памяти возник смеющийся голос Руслана.

Интересно, моя педантичность и приверженность графику его так же раздражает, как раздражают они сестер?

Я отпила зеленый чай с мятой, вдохнула летний аромат.

Нет, Руслан сам такой же. Он сам – любитель всего по графику. Он же юрист. И зануда, он сам так о себе постоянно говорит.

Наверно, я себя успокаивала. Взглянув на часы, отметила, что у меня еще пара минут перерыва, достала мобильный и набрала мужа.

– Привет, я Руслан Лебедев. Сейчас я не могу ответить на ваш звонок, но сразу это сделаю, если вы оставите мне голосовое сообщение и оставите координаты. Благодарю за понимание!

Короткий звуковой сигнал оповестил о начале записи. Я запаниковала, хотела сбросить, но вспомнила, что запись уже идет и Руслану просто придет пустое сообщение. И он станет волноваться, что это кто-то из злоумышленников, или кто-то не дозвонился.

– Руслан, ничего срочного, просто хотела узнать, как у тебя дела.

И нажала «отбой». Даже вспотела от напряжения.

Закрыв створку окна, вернулась в комнату, к своему рабочему месту.

И сразу почувствовала облегчение, словно встала на знакомую почву.

Работа – я там нужна. Я там контролирую ситуацию. Я там

могу дышать свободно.

5

Лавренева поехала в офис Лебедева сразу после их встречи, поэтому, когда он вернулся после завершения процесса, в кабинете его ждала коробка из-под обуви, доверху заполненная бумагами и вырезками, конвертами и каким-то хламом, а также почтовая коробка, от которой жутко несло тухлятиной.

«Она же не привезла сюда посылку сдохлым вороненком?»

Это был риторический вопрос.

В кабинет заглянула Арния Николаевна, поморщилась и, деловито подойдя к окну, распахнула его:

– Как я понимаю, у вас новое дело. Весьма настойчивая дама...

Она понимающе кивнула на коробки. Лебедев как раз с помощью остро отточенного карандаша приподнял крышку почтовой коробки, чтобы убедиться, что внутри – именно то, что он думал.

– Вы зачем ее в кабинет ко мне пустили?

– Она сослалась на то, что с вами это согласовано. Проверить это я не смогла, так как сотовый у вас был вне зоны действия сети...

– Да-да, я был в процессе³, – он поднял глаза на офис-менеджера. – А чего у себя не оставили? Воняло?

Арния Николаевна усмехнулась, но вместо ответа предложила:

– Может, пригласить на чашку чая кого-то из криминалистов? Вдруг клиентка принесла это неспроста?

Лебедев посмотрел на нее с удивлением, почтительно хмыкнул:

– Вы меня не устаете удивлять, Арния Николаевна, иной раз фору юным адвокатским гениям дадите.

Пожилая дама удовлетворенно поправила прическу:

– Ну так... Все-таки опыт, наблюдательность... И не по годам хороший слух. – Она засмеялась: – Предложение вызвать криминалистов Борис Иванович на самом деле озвучил. Он приехал около часа назад.

Руслан усмехнулся.

Идея с подключением эксперта ему нравилась.

Открыв коробку из-под обуви, аккуратно – так же, кончиком карандаша – приподнял верхние листки: распечатка, вырезка из газеты, старенькие открытки без обратного адреса, конверты – в большинстве своем аккуратно вскрытые ножом для бумаг. На дне коробки обнаружил свадебное платье куклы Барби, детские пинетки, возможно, тоже кукольные, такие маленькие они были, и школьную тетрадь по русскому языку. Он присмотрелся: подписана почти выцветшими

³ «В процессе» – здесь означает, что во время судебного заседания.

чернилами. «Ученицы 7 „б“ класса», далее – неразборчиво и почти стерты фамилия и имя школьницы. Сердце сжалось: там написано «Лида»?

Арния Николаевна, так и не дождавшись поручения от руководителя, направилась в приемную.

– Пусть Боря зайдет ко мне! – крикнул Руслан, когда секретарь уже почти притворила за собой дверь.

Убедившись, что остался один, достал школьную тетрадь из коробки и убрал ее в верхний ящик стола.

На пороге кабинета появился Борис, сообщил:

– Заключение подготовлено, у вас на столе. – Он кивнул на красную папку, ждавшую Лебедева на углу стола.

– Да-да, я понял... слушай, Боря, ты мог бы мне помочь?

Помощник кивнул, сел у стола, с опаской посмотрел на источавший смрадный запах короб.

Руслан задумался: он необъективен. Он не может вести это дело, но и не может отдать его. В груди стало горячо от стыда, что он спрятал одно из доказательств. Успокоил себя тем, что имя «Лида» слишком нераспространённое, а оттого приметное, это может сбить Бориса. А ему, Руслану, надо сохранить его объективность. Хотя бы на какой-то стадии.

– Я бы хотел, чтобы ты изучил вещи вот из этой коробки. Что их может связывать, на какие мысли об их владельце они тебя натолкнут. Письма опять же, вырезки.

– Составить опись и подготовить анализ? Сделаю. – Борис указал подбородком на почтовый короб: – А с этим что?

– Ты прав, тут нужны криминалисты.

* * *

Я решила, что пора сделать что-то, что меня отвлечет и успокоит. Подготовка как нельзя лучше для этого подходила. Перебрав в уме все, что есть в холодильнике, я вспомнила известную фразу из кинофильма про инопланетян: «Нужен пирог».

Мне он тоже был нужен.

Достала из холодильника фарш, мелко порезала лук и болгарский перец, выбрала самый большой томат и тоже мелко порубила его. Любимый рецепт «пиццы-лентяйки». Фарш и овощи – на сковороду. Масло растительное и горчичное, соли на кончике ножа, черный перец и базилик. Столовая ложка воды – и все накрыть крышкой. Когда почувствуешь аромат, добавить несколько столовых ложек тушеной фасоли и оставить томиться на несколько минут. За это время приготовить тесто. Я особенно любила тесто – его запах, когда мнешь и ласкаешь его руками, мягкое, податливое и теплое, будто живое.

Тесто я готовила такое, за которое моя мама меня отругала бы – так никто не делает. Но оно получалось мягкое, воздушное и не вбирало в себя влагу от начинки. Три неполных стакана муки, половина пакетика сухих дрожжей, половина чайной ложки разрыхлителя и столько же – картофель-

ного крахмала. И секретный ингредиент – две столовые ложки манки. Только тсс, маме не говорить. Все сухое размешать, добавить чуточку крупной соли и две столовые ложки сахара. Разбить два яйца, добавить полстакана теплого молока и все тщательно перемешать. И – как финальный аккорд – три столовые ложки горчичного масла.

Тесто становится мягким, не липнет к рукам, но в нем еще чувствуется какое-то несовершенство. Оно исчезает, когда тесто раскатываешь тонким, не больше половины сантиметра, пластом. Чуть присыпаешь его мукой и аккуратно укладываешь на противень. Я достала специальную форму для пиццы – плоское круглое блюдо с покрытием из тефлона.

Я едва не забыла посыпать его манкой – еще одно мое ноу-хау. Так пицца никогда не присохнет и не подгорит.

В кухню заглянул Степка, увидев, что я колдую у плиты, быстренько спрятался – знал, что не люблю, когда мешают.

На тесто я брызнула маслом, чуть смазала его томатной пастой и нежирной сметаной, укрыла сверху полупрозрачными полукольцами лука. И только тогда – еще теплую – начинку укладываю на тесто. Ровным слоем, почти до самого края.

Сверху – тонкие лепестки помидора.

Укрываю тертым сыром. Сегодня, как любит Степка, два вида – мягкий молодой сыр и твердый. Один впитается в начинку и подарит ей сливочный вкус и сочность, а другой схватится румяной корочкой.

Края я не оставляю открытыми, а заботливо подворачиваю и накрываю ими начинку – сок не вытекает, край остается мягким и весь съедается даже Степкиными молочными зубами.

Отправив в горячую духовку свою лентяйку и быстро убрав со стола последствия готовки, я взяла сотовый – написать Руслану, что у нас сегодня пицца.

Быстро набрала сообщение, отправила и с улыбкой стала ждать ответа.

Две серые «галочки» окрасились в голубой. Загорелся статус «Руслан печатает» и три точки. Я представила, как он набирает текст, как ярко-голубой экран бросает отблеск на его лицо, подчеркивая скулы.

Надпись «Руслан печатает» погасла. Он вышел из сети.

Еще какое-то время я ждала, что сообщение дойдет до меня.

Но Руслан так и не появился в сети. А то, что он хотел сказать, так и осталось несказанным.

«Почему?» – ломала голову я. Что я делаю не так?

Я хотела набрать номер и поговорить с ним, но вместо этого выключила у сотового звук и убрала на холодильник. Выйдя из кухни, отправилась к Степке – ему до меня всегда есть дело.

Он перешел работать в переговорную, пока в кабинете орудовали криминалисты. Вскрыв почтовый короб, аккуратно извлекли из негодохлого вороненка. У птицы слежались и помутнели крылья, головка оказалась свернула набок, а глаз смотрел мутно. Второго глаза птица лишилась еще при жизни.

– Когда лишился, это можно установить? – спросил Лебедев.

Криминалист, молодой и немного чудаковатый Вася Клешнин, пожал плечами:

– Кто ж его знает... Было бы уголовное дело возбуждено, провели бы экспертизу, наверно. А тут, как я понимаю, возбуждаться не из-за чего, – он снова пожал плечами и посмотрел на Лебедева вопросительно: – Это точно не вам поступило?

– Нет.

Вася вздохнул, снимая медицинские перчатки и выбрасывая их в ведро:

– Жаль. Дохлый вороненок – хороший намек на то, что кто-то хочет твоей смерти.

– В самом деле?

– Ну да... Вороны – они же очень умные, мстительные... Я в детстве... Совсем пацаненком был, лет шесть, наверно...

В общем, обидел вороненка, палкой ударил, прогнал с качелей. Так меня потом воронья стая месяц выслеживала, и каждый ворон норовил клюнуть или ущипнуть. Я и одежду менял, и панаму надевал – все бесполезно, нюх у них, что ли. Отлавливали и в нашем дворе, и в соседнем. И даже на другом конце города, представьте... – Он с сожалением посмотрел на вороненка. – Очень мстительные и злопамятные птицы.

Руслан кивнул:

– Понимаю. Но нет, это не мне угрозы, а клиенту.

Вася хмыкнул:

– На месте клиента я бы поостерегся в одиночку из дома выходить.

Руслан живо представил, что это Лида отловила вороненка, свернула ему шею, упаковала в пакет и отнесла на почту. От дикости предположения покоробило. К горлу подступил тошнотворно сладкий комок выпитого недавно кофе. «Нет, это не она», – сердито подумал он.

«Я уверен, Лавренева не только в отношении Лиды наследила. Такие одним мерзким поступком не ограничиваются, – решил Руслан, провожая криминалистов. – Я найду того, кто делает эти гадости, и докажу, что это не Лида».

И первое, на что нужно было опереться – это мотив. Лавренева говорила, что угрозы посыпались после того, как в СМИ появилась информация об участии в выборах ее мужа.

«Вот с этого и начнем».

6

После лекции голова раскалывалась. Под носом Лебедева сидела девица, которая всю лекцию листала журнал и со скучающим видом поглядывала в окно. Признаться, он бы и сам прогулялся вместо лекции. Но по-честному рассказал все, что знал об адвокатской этике. В свете клиентства Лаврениевой и ее прямого обвинения в адрес жены это выглядело не совсем так, как адвокат хотел бы.

Еще больше дегтя добавляла причина, по которой он взялся за дело Лаврениевой.

Доказать, что Лида не виновата? Или все-таки прикрыть ее, чтобы никто не смог обвинить ее всерьез?

Тогда выходило, что он заранее признал ее виновной. И от этого на душе становилось еще более гадко. Так гадко, что он пару раз сбивался на лекции, и тогда девица отрывала взгляд от окна и смотрела на него с недоумением.

Вечером была пицца. Лида писала о ней, когда он как раз закончил лекцию. Он хотел предложить купить вино. Но вспомнил, как она отчитала его за подобное предложение в прошлый раз. И стер сообщение. Пицца – сама по себе хорошо.

Когда уложили Степку и, обнявшись, смотрели какой-то мутный сериал по кабельному, он поцеловал жену в щеку, заметил:

– Ты какая-то напряженная в последнее время.

Не смог спросить напрямую, начал издалека, исподтишка наблюдая за супругой. У нее напряглись плечи, выпрямилась спина.

– Напряжена? Я не заметила.

– У тебя все в порядке? Со студентами, например...

– Я же сказала, нормально у меня все, – Лида отстранилась, сбросила с плеча его руку. Подумав, резко встала, забрала с журнального столика тарелку с остатками сыра, направилась в кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.